

УДК 81'42: 82.091

Озерова Е.Г.
(Белгород, Россия)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА

В статті розглядається інтенційність як простір ціннісних суб'єктивних переживань поетичної прози. Інтенційність формує ліричне сприйняття, ілюструє складну гаму когнітивного та емотивного досвіду еготопу – центру формування модальності в дискурсі поетичної прози.

Ключові слова: *інтенційність, поетична проза, еготоп, інтенційна модальність, поетичні компоненти переживання.*

В статье рассматривается интенциональность как пространство ценностных субъективных переживаний поэтической прозы. Интенциональность формирует лирическое восприятие, иллюстрирует сложную гамму когнитивного и эмотивного опыта эготопа – центра формирования модальности в дискурсе поэтической прозы.

Ключевые слова: *интенциональность, поэтическая проза, эготоп, интенциональная модальность, поэтические компоненты переживания*

The article considers intentionality as a sphere of axiological subjective experience of the poetic prose. Intentionality forms the lyrical perception, shows the complex gamut of cognitive and emotive egotope experience – the centre of modality forming in the discourse of poetic prose.

Key words: *intentionality, poetic prose, egotope, intentional modality, poetic components of emotional experience.*

Одним из структурных центров интенциональности в дискурсе поэтической прозы является эгоцентризм, при помощи которого раскрывается внутренний мир и чувственное, душевное состояние лирического героя. Именно благодаря этой особенности повествования в текстах поэтической прозы в качестве её категориального признака формируется лирическая архитектоника, доминанта глубокого личностного переживания описываемых событий, креативная индивидуальность автора.

В концепции М. Хайдеггера интенциональность как «всякое душевное отправление направляется на что-то. Суждение есть суждение о чём-то, воспоминание есть воспоминание о чём-то, представление есть представление чего-то, то же относится и к предположению, ожиданию, надежде, любви, ненависти» [1: 32-33]. В текстах поэтической прозы душевные флюиды одного всегда направлены на другого: ... *соборовать надо, покуда болящий в себе ещё. Уж не видит папашенька, а позвать – отзывается. Вот и особоруется в час светлый.*

© Озерова Е.Г., 2011

Мне суют яблочки, пряники, орешки, чтобы я не плакал. Да я и не плачу, уж не могу. Ничего мне не хочется, и есть не хочется (И.С. Шмелев, «Лето Господне»).

Переживание – важнейшая психо-эмотивная составляющая когнитивной структуры текста поэтической прозы. Интенциональность «не отношение к внешнему предмету, которым можно было бы наделять переживание и которое было бы явлено в некоторых переживаниях: переживания интенциональны сами по себе, как таковые» [1: 35].

Субъективный компонент (переживание, проживание акта созерцания) стал центром интенциональности как категории в философии Эдмунда Гуссерля, который осуществлял феноменологический анализ при помощи терминов *ноэма* и *ноэзис*, то есть идеальный и реальный компонент интенционального переживания. Смысл, по мнению автора, есть ядро ноэмы, а сама ноэма – смысл, который имеет модальность обращения сознания на объект. Смысл является неотъемлемым компонентом той информации, которая передаётся в дискурсе посредством вербальных единиц и их комбинацией на самых разных уровнях: от отдельных лексем до целых текстов, поэтому изучение информационной составляющей отрезков дискурса предполагает исследование как значений конституентов фрагментов дискурса, так и их смыслов [2: 5]. Носителем смысла в поэтической прозе являются конкретные предметы и события, которые, преломляясь в «душе» эготопа, наполняются переживанием и формируют смысл. Такую подвижную точку фокуса интенциональности поэтической прозы представляет мир ценностных субъективных переживаний, где предмет становится не только объектом переживания, а конкретным переживанием, таким, которое и порождает смысл.

Ср.: И я так живо вижу, как было это, когда мы ходили к Троице прошлым летом: и большой Крест в часовне, и тёплое серенькое утро... – Горкин ещё сказал – «серенькое утро – красенький денёк!» – и как скачет отец, а мы сидим на тёплой, мокрой после дождя земле, на травке... а он скачет прямо на нас..., покупает у босой девчонки целое лукошко душистой-душистой земляники, сам меня кормит земляничкой с горсти, от которой и земляничкой пахнет, и Кавказкой... мажет мне щеки земляничкой... Радостно мне, и больно вспомнить.

Интенциональность поэтической прозы формируется следующими языковыми средствами: глагольной парадигмой (*вижу, ходили, скачет*), лексическими повторами (*душистой-душистой, скачет отец, он скачет; теплое, теплый*), деминутивными лексемами (*серенькое, серенькое утро – красенький денек!, на травке*) и является тем центром, который через отношение говорящего (*я вижу, мы ходили, мы сидим, мне мажет, мне радостно*) к содержанию высказывания формирует лирическое восприятие в дискурсе поэтической прозы. Художественно-образное речемышление – главное свойство языка поэтической прозы. Поэтическая функция языка, по В.В. Виноградову, опирается на коммуникативную, исходит из неё, но воздвигает над ней подчинённый закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений.

Интенциональность в поэтической прозе иллюстрирует сложную гамму когнитивного и эмотивного опыта эготопа и проявляется в следующей оппозиции: воспоминания-переживания вызывают радостное чувство (*радостно мне*), а в настоящее время вновь пережитое вызывает чувство скорби (*больно вспомнить*). Таким образом, именно эготоп является ядром формирования интенциональной модальности в дискурсе поэтической прозы.

Поэтические компоненты переживания характеризуют направленность сознания на предмет как акт придания смысла. Вместе с «оживляемым» чувственным материалом, отмечают авторы философского словаря, они составляют предмет анализа, в котором переживание предстаёт как непрерывная вариация, поток феноменологического бытия с его определёнными частями и моментами, актуальными и потенциальными фазами. Интенциональный анализ направлен на номатический коррелят акта (ноэму) – предметный смысл как таковой, а также на устойчивое единство смысловых слоёв предмета. Интенциональность объекта в дискурсе поэтической прозы предполагает разные модальности: 1) восприятие объекта, 2) воображение объекта, 3) надежда на объект. Следовательно, когда человек переживает, испытывает какое-либо чувство к объекту, можно говорить об интенциональном отношении к этому объекту. Это может быть воспоминание, вера во что-то, размышление о чём-то.

*В спальню **проходят** молодцы из бань – переносить усопшего на стол в залу. На диване **дожидаются** монашки, старая и молоденькая: **будут** **денно-ночно** **читать** по усопшему **псалтырь**, **молиться** за его душу. Только три денька душа будет с нами... – **рассказывал** мне Горкин, **давно** еще, и давал «помянник», куда **вписывают** о здравии и о упокоении. В помяннике все написано про душу, что святые старцы слышали в Египетской пустыне **от Ангела**. А после трёх ден душа возносится Ангелом для поклонения Богу. И ещё будет возноситься: на девятый и сороковой день по кончине. Первые три дня душа очень скорбит от разлуки с телом и скитается, как бесприютная птица. Но ей **подаётся** укрепление **от Ангела**, **через молитвы**: потому и **служат панихиды**.*

Интенциональная модальность в дискурсе поэтической прозы проходит следующие этапы:

Воспоминание (*проходят, дожидаются, денно-ночно будут читать, молиться за его душу, рассказывал давно, вписывают о здравии и о упокоении, слышали от Ангела, возносится Ангелом для поклонения Богу, будет возноситься на девятый и сороковой день, скорбит от разлуки, скитается, подаётся от Ангела, через молитвы, служат панихиды*):

Воспоминание в произведениях поэтической прозы становится той действительностью, которая переживается вновь, поэтому события в дискурсе поэтической прозы последовательно интерпретируются с момента воспоминания: *будут денно-ночно читать по усопшему псалтырь, молиться за его душу*.

Размышление (*Я думаю, – какая душа? В какой она одежде? похожа на живого? может слышать меня и говорить?*):

Я сажусь в уголок и стараюсь ее увидеть. Зажмуриваюсь... – и вижу: он здесь, со мной сидит в кабинете, щелкает на счетах, глядит на меня через плечо и ласково морщится, что я мешаю: «а, баловник... ну, давай, что ли, жё-лтики твои!» Вижу ещё, ещё... как ловко садится на Кавказку... скачет веселый к нам, на богомолье... мажет мне щеки земляничкой...

Воображение (*стараюсь ее увидеть; заждуриваюсь... – и вижу*):

Особенностью воображения в произведениях поэтической прозы является рефлексивное перерождение воображения в воспоминание (*он здесь сидит в кабинете, щелкает на счетах, глядит на меня и ласково морщится, ловко садится, скачет веселый,*

может мне щеки земляничкой). Новая интенция в отношении объектов, которые окружают человека, по мнению М. Мерло-Понти, «отодвигают в прошлое то, что я только что пережил» [3: 219].

Всегда он во мне, живой?! и будет всегда со мной, только я захочу увидеть?..

Надежда-утверждение (всегда во мне, живой?! и будет всегда со мной):

Следовательно, интенциональная модальность (воспоминание → размышление → воображение → изображение-воспоминание → надежда-утверждение) выражается индивидуальным переживанием и духовным миром эготопа, именно такое соединение составляет сущность интенциональности поэтической прозы.

Сумма субъективных смыслов перерастает в текстах поэтической прозы в интенциональный образ (*жёлтики твои*), который, «становясь интенциональной структурой, переходит с уровня инертного содержания сознания на уровень сознания единого и синтетически соотнесённого с трансцендентным объектом» [4: 53]. Образ, по мнению Ж.-П. Сартра, является особым интенциональным действием сознания, а воображение способно оживлять содержание. Образ характеризуется одной и той же интенцией воображения, то есть образ не особая «вещь», не посредник между сознанием субъекта и реальным предметом, который вспоминает субъект, но это специфический акт сознания, направленный на предмет.

Поэтический образ, отмечает Гастон Башляр, есть внезапное раскрытие психической жизни. По мнению автора, только посредством интенциональности поэтического воображения душа автора находит сознательное начало всей истинной поэзии. «Образ становится новой сущностью нашего языка, он выражает наше Я и вместе с тем преобразует нас в то, что он выражает; иначе говоря, образ есть одновременно и становление словесного выражения, и становление нашей сущности. Слово здесь творит сущность» [5: 11]. Образ «жёлтиков» в воображении автора погружает во внутренний мир переживаний, раскрывает психическое состояние эготопа и является эквивалентом радостного, счастливого детства, того времени, когда был жив отец.

Анализируя творческое воображение, Г. Башляр отмечает, что «любая вещь, чтобы стать символом, должна включиться в драму добра и зла» [5: 123]. Только пережитая автором действительность воплощается в символике (*материальная символика и материальное воображение*), которые неразрывно связаны с воображением источника и являются социализированными символами явлений природы, воды, воздуха. Материальные образы лежат в основе материального воображения поэтической прозы.

Материальная символика – «жёлтики» – оживила в материальном воображении всё, что запечатлено было в памяти, так как воображение, по мнению психологов, является психическим процессом создания образа предмета, который протекает в неразрывной связи с памятью и мышлением:

А двор наш больше ста лет стоял, ещё до француза, и крапивка, и лопушки к заборам, и жёлтики веселили глаз (И.С. Шмелев, «Лето Господне»).

Новая интенция, отмечает М. Мерло-Понти, подхватывает традицию прошлого, а «я подгоняю мои перцептивные интенции... под объекты, которые ... существуют для меня лишь постольку, поскольку порождают во мне мысли или желания» [3: 19]. «Жёлтик» не только рождает воспоминание в тексте поэтической прозы, это не просто объект восприятия, он становится философским и ценностно-смысловым объектом.

Жёлтик → душа → сон (память о счастливом детстве, о времени, когда был жив отец) → **жёлтик** – символ счастливого детства → индивидуальный смысл. Таким образом, когда материальный символ **жёлтик**, воздействуя на сложную рефлексию субъекта, эксплицировал множество интенциональных актов, связанных с трагической действительностью, именно тогда появился смысл. Смысл возникает при описывании свойства какой-либо онтологической картины: онтологическая картина + свойство = смысл.

Центром интенционального акта в текстах поэтической прозы становится ситуация появления смысла. Под интенциональным актом Г.И. Богин понимает акт направления рефлексии на опыт, затем – на душу носителя этого опыта. Интенциональный акт, по мнению учёного, совмещён с переживанием особого рода – переживанием интенционального акта. До этого субъект воспринимает единство ego с онтологическими картинками как «как нечто естественное и необходимое» [6: 3]. В интенциональном акте, отмечает Г.И. Богин, рефлексия возникает из способности воображения, делающего онтологические картины подвижными и изменчивыми. В результате возникает баланс двух начал: 1) понимание, основанное на рефлексии; 2) живое переживание, основанное на феноменологической редукции. Именно такое совмещение делает интенциональный акт «мощным проявлением духовных способностей человека» [6: 3].

Авторы поэтической прозы воспринимают художественный образ независимо от структуры произведения, делая акцент на природном, естественном характере поэтической функции. Эта натурализация объекта художественного освоения делает язык явления природным и естественным.

... дождь проливной, холодный. Слышу, как воем в печке, стегает дождем в окна... Дремлю – и слышу... – Святы-ый... Бо-о-оже-е-е-е... Свя-а-ты-ый... Кре-э-э...пкий... Свя-а-а-ты-ый... Бес-сме-э-э-э-эртный...

Выносят Животворящий Крест?.. Животворящий Крест, в чудесных цветах, живых... Молюсь про себя и плачу... тихо плачу... не зная, что это вынос... что это выносят гроб.

Сильный дождь, струйки текут по стеклам, так и хлещет-стегает ветром. Холодно от окошка даже...

Три-зна. За упокой души новопреставленного будут испивать тризну, поминать впоследствии-с. Спокон веку положено, чтобы тризна. Батюшка благословит-освятит, после помяновенного обеда, после блинков, как «вечную память» протодьякон возгласит.

Я крещусь, шепчу... Кони, в черных покровах, едва ступают, черный народ теснится, совсем можжевельника не видно, ни камушка, – черное, черное одно... и уж ничего не видно от проливного дождя....

Материальная символика природы (1) *дождь проливной, холодный, стегает дождем в окна, сильный дождь, струйки текут по стеклам, льёт дождь, ничего не видно от проливного дождя;* 2) *ветер ерошит листья на венке, мотает ленты, так и хлещет-стегает ветром*) соединена с материальной символика церковных номинаций (*Животворящий Крест, тризна, «вечная память», протодьякон*), именно этот синтез, воздействуя на душу эгогопа, образует в текстах поэтической прозы ядро интенционального акта. Смысл дискурса поэтической прозы формируется в ракурсе целостного восприятия и эксплицирует интенциональную модальность на фоне значимых субъек-

тивных переживаний, а образуемая при этом синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопрозаического текстопорождения.

Таким образом, интенциональность в поэтической прозе иллюстрирует сложную гамму когнитивного и эмотивного опыта эготопы, который является ядром формирования интенциональной модальности. Материальная символика в неразрывной связи с материальным воображением, воздействуя на «душу» эготопы, раскрывая его психическое состояние, окрашивается индивидуальным опытом, наполняется ценностными субъективными переживаниями и превращается в личностные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – 384 с.
2. Алимуратов О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: Система корреляций: дис. ... доктора филол. наук / Алимуратов Олег Алимуратович. – Ставрополь, 2004. – 524 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – 607 с.
4. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.-П. Сартр. – СПб: Наука, 2001. – 319 с.
5. Башляр Гастон. Избранное: Поэтика пространства / Гастон Башляр. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 376 с.
6. Богин Г.И. Интенциональный акт как ситуация появления смысла // Язык и культура: III-я междунар. конф.: Докл. и тез. / Г.И. Богин – Киев, 1994. – С. 3-27.

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНИХ КОНЦЕПТІВ У ХУДОЖНІЙ ТВОРЧОСТІ УКРАЇНСЬКИХ ПОЕТІВ

(вербалізація лінгвокультурного концепту ЧАС у творчості Ліни Костенко)

У статті розглядаються окремі аспекти дослідження мовної картини світу, зокрема розкриває особливості осягнення темпоральних відношень Ліною Костенко та їх концептуалізацію у ліриці української поетеси.

Ключові слова: мовна картина світу, художній час, лінгвокультурний концепт.

В статье рассматриваются отдельные аспекты исследования языковой картины мира, в частности особенности постижения темпоральных отношений и их концептуализацию в лирике украинской поэтессы Лины Костенко.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественное время, лингвокультурный концепт.

We consider some theoretical issues of language world. Scientific research reveals features of Lina Kostenko's perception of the temporal relations and their conceptualization in the philosophical lyrics of Ukrainian poetess.

Key words: language picture of the world, artistic time, lingo-cultural concept.

Формування нової культурологічної парадигми визначило відповідний стиль лінгвістичного мислення, який потребує перегляду традиційних уявлень про феномен мовної картини світу у мовній семантиці, вироблення нових підходів до вивчення лінгвістичних феноменів, застосування в лінгвістиці нових методологічних стратегій.

Лінгвофілософська інтерпретація проблеми дослідження мовних одиниць у зв'язках з іншими явищами дійсності прослідковується вже у працях Ф.Боаса, Л.Вайсберга, В.Вундта, В. фон Гумбольдта, Дж.Лакоффа, Р.Лангакера, М.Лацаруса, О.Лосева, М.Мамардашвілі, О.Потебні, Е.Сепіра, Ф.де Соссюра, Б.Уорфа, Г.Штейнтала. Особливості функціонування слова в художній мові розкриваються у працях С.Я.Єрмоленко, Л.І.Мацько, Н.М.Сологуб, А.К.Мойсієнко, Л.О.Ставицької, П.Ю.Гриценка, Л.В.Кравець, Г.М.Сюти, С.П.Бибик, М.Г.Железняка, Н.О.Мех та ін.

Фактом своєї феноменальності творчість Ліни Костенко спонукала до концептуально різних підходів її осмислення, репрезентованих у працях В.Базилевського, В.Брюховецького, В.Дончика, М.Ільницького, М.Кудрявцева, Ю.Карпенка, І.Кошелівця, А.Макарова, О.Никанорової, В.Панченка, В.Саєнко, Т.Салиги, Е.Соловей, І.Фізера, В.Шелест, але всі ці дослідження здійснені в аспекті літературознавчого аналізу. З огляду на це, актуалізується потреба у дослідженні сутності мовних явищ, зокрема особливостей вербалізації часових відношень у творах Ліни Костенко.

Дослідження художнього тексту передбачає аналітичну єдність реального, акціоного і вербального планів, відповідно включає такі елементи, які не можуть бути описані лише за допомогою мовних знаків. Провідна роль у таких дослідженнях нале-